

Зиновьев, Г. Армия и народ.

E41/582

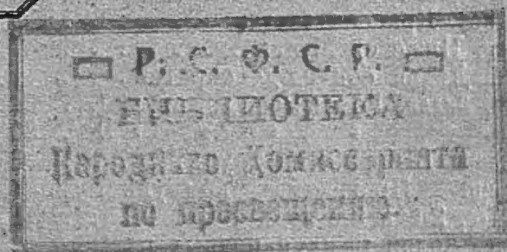

3-63
Армия и народ

Г. ЗИНОВЬЕВ

АРМИЯ И НАРОД

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОФИЦЕРСТВО

22505/8 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Петербург ♦ 1920

Никем из книгопродавцев указанная на книге
цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

1-й экз. с фонда

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Просп. 25 октября, д. 28.

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Адлер, Георг. Анархизм	10 —	Быстрянский. Империалистическая Ан- глия против социалистической	— 40
Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции. Разошлось	— 55	Его-же. Рабоче-крестьянская рево- люция в России в оценке бур- жуазной публицистики	2 —
Алексеев и Варлен. Две речи	— 70	Вандервельде. Социализм и искусство. .	— 90
Арну. Мертвецы коммуны.	— 45	Ватин. Что такое коммуна? 1-е и 2-е изд.	— 20
Его-же. Народная история Парижской Коммуны.	10 —	Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть	— 85
Артамонов. Земля родная. Стихотво- рения	6 50	Величкина, В. Борец за свободу Виль- гельм Вейтлинг.	1 —
Афиногенов (Степной), Н. Записки ополченца. Разошлось	1 25	Венок коммунаров. Сборник памяти В. Володарского, с рисунками . . .	4 —
Бакс. Парижская Коммуна	1 75	Войнич, В. Овод. Роман. Перевод с английского З. Венгеровой.	4 50
Барбюс. В огне. Дневник полу- звода. Перев. Арденина. 3-е из- дание.	30 —	В—ин, Л. Уголок немецкой оккупации .	— 50
Басов-Верхоянцев. Венок. Сказки. . .	5 —	Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание	— 50
Бибель, А. Интеллигенция и социализм. .	1 25	Его-же. Речи	15 —
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. I.	7 50	* * Враги ли евреи рабочим и крестьянам. 1-е и 2-е изд.	— 40
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. II, ч. I	7 50	Волховский. Сказание о царе Си- меоне	1 25
Его-же. Христианство и социализм . .	— 50	Гауптман. Ткачи. Драма.	3 —
Бедный, Д. Земля обетованная	1 20	Геккель, Э. Происхождение человека. .	3 —
Его-же. В огненном кольце	1 50	Геррон, Г. От революции к революции. .	1 20
Его-же. Песни прошлого	3 —	Горичев. Таблица исчисления зара- ботной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне	5 —
Его-же. Сытый голодного не раз- умеет (басни)	4 50	Горлов, Н. Темные силы, война и погромы.	— 40
Бессалько. Алмазы Востока. Сказки. С иллюстрациями	8 —	Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстрациями В. Ходасевич . . .	1 —
Беллами. Равенство	— —	Его-же. Челкаш	1 50
Бернштейн. Фердинанд Лассаль. Био- графический очерк.	7 —	Его-же. Двадцать шесть и одна. . . .	5 —
Блосс, В. История французской рево- люции.	32 —	Его-же. Дед Архип и Ленька.	1 10
Богданов. Красная звезда	5 20	Его-же. Дело с застезками.	3 —
Его-же. Инженер Мэнни	7 —	Его-же. На плотях.	4 —
Браке. Долой социал-демократов . . .	1 —	Его-же. Мальва	1 80
Браун, Лилли. Роман моей жизни, т. I.	30 —	Его-же. Коновалов	2 60
Ее-же. » » » II.	30 —	Его-же. Тюрьма	6 —
Брусанин. В борьбе за труд.	3 —	Его-же. Проходимец	10 —
Бухарин. Программа коммунистов. 1-е, 2-е и 3-е изд.	1 75	Его-же. Скуки ради.	1 40
Его-же. Долой международных разбой- ников. Разошлось.	— 40	Его-же. Васьяка Красный	2 50
Его-же. Классовая борьба и революция в России.	1 80	Его-же. Кирилка.	1 30
Быстрянский. Империализм.	— 35	Его-же. О евреях.	1 10
Его-же. Армия империализма и армия революции. Война империалисти- ческая и война революционная . .	2 —	Его-же. Как я учился	— 90
		Его-же. Мое обращение	— 10

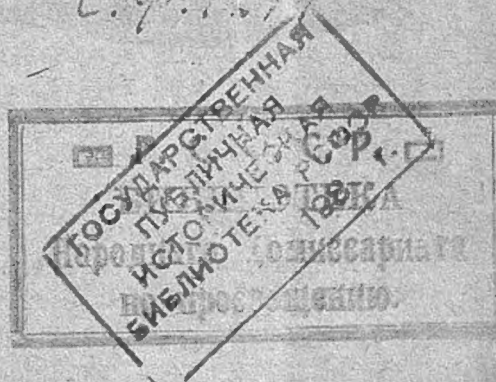
22505/180
E41/1582

Г. ЗИНОВЬЕВ

АРМИЯ И НАРОД

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ОФИЦЕРСТВО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
32908 1989 г. ✓

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Петербург ♦ 1920

8031

Предлагаемая книжка представляет собой лекцию, читанную тов. Г. Зиновьевым в октябре 1919 г. на собрании военных специалистов Петербурга и округа во дворце Урицкого. На собрании присутствовало около 3.000 офицеров.

I.

Армия и общественный уклад.

Каждый народ имеет такую армию, какую он заслуживает иметь. С полным правом можно сказать: «скажи мне, какая у тебя армия, и я скажу тебе, какова твоя страна». Как нельзя более ярким доказательством правильности этого взгляда служат судьбы нашей собственной армии.

Если мы оглянемся хотя несколько назад, то увидим, что русская армия играла мировую роль и в те времена, когда в России существовал крепостной строй. В те печальные времена русская армия также являлась мировым фактором, оказывая влияние на ход мировой истории—только с тою разницей, что тогда наша армия была тяжелой гирей, которую клали на чашу весов реакционные помещики и буржуазия.

В революционные 1848—1849 годы наша русская армия тоже вмешивалась в международную политику, но вмешивалась лишь для поддержания помещиков против крестьян.

Венгрия не только в 1919 году играла большую роль в Европе; 70 лет тому назад она также сосредоточивала на себе внимание всего цивилизованного мира. Когда во время революции 1848 года венгерские помещики не в состоянии были справиться с восставшим народом, венгерское правительство обратилось за поддержкой к русскому царю.

И 70 лет тому назад русский царь был в силах эту поддержку оказывать. Он снарядил крепостных крестьян, поставил во главе их целый слой помещичьего русского офицерства и послал эту армию в Венгрию—раздавить восстание венгерского народа. И русская крепостная армия, руководимая русскими помещичьими офицерами, 70 лет тому назад раздавила в венгерских степях революционное движение тамошних крестьян и рабочих. Зато России и приклеен был позорный ярлык международного жандарма, потому что именно в такой роли выступала крепостная Россия, снабжая контр-революционными войсками не только свою страну, но и Венгрию, и пытаясь снабжать

ими всю Европу. Да, товарищи, 70 лет тому назад можно было сказать: Россия имеет такую армию, какую она заслужила иметь.

И, естественно, иначе быть не могло. Наш народ жил под игом крепостного права, а вы знаете, с какими прелестями было сопряжено это крепостное право. Крепостное право означало почти повальную неграмотность крестьянского, да и городского трудящегося населения; крепостное право означало, что людьми торговали как скотом; крепостное право означало, что небольшое меньшинство помещиков могло безвозбранно распоряжаться судьбами десятков миллионов людей. И раз Россия у себя внутри терпела крепостное право, примирялась с ним, не восставала против него, то, разумеется, и ее армию можно было, как лошадь, у которой на глазах шоры, поворачивать, куда угодно. Эту армию бросили в то время на подавление революции в Венгрии. Потом, не прошло и пятнадцати лет, как русской армии пришлось вновь играть роль международного жандарма или международного палача. Я говорю об умирении польского восстания.

Товарищи, в данное время польская буржуазия воюет против нашей страны, и мы, вполне естественно, ненавидим ее за это. Но мы не можем забыть, что в течение долгих и долгих десятилетий русский царь и русские помещики угнетали Польшу и целый ряд окраин, насильно присоединенных к нашей стране. И вот, когда в Польше начинались—в 30-х и затем в 60-х годах восстания против русского царя, и в этих восстаниях принимал участие почти весь народ, включая и женщин, тогда был отправлен в Польшу целый ряд корпусов во главе с особенно реакционно настроенными генералами, чтобы огнем и мечом истреблять поляков и чтобы в крови польского народа потопить освободительное движение тогдашнего времени. Русская армия, подневольная русская армия, без всякого ропота отправлялась в Польшу и там истребляла сотнями и тысячами сынов польского народа, добивавшихся тогда только вполне справедливых требований. Во второй раз можно было сказать: Россия имеет такую армию, какую заслуживает иметь.

В те времена у лучших русских людей, напр., у знаменитого писателя А. И. Герцена, вырывались восклицания: стыдно быть русским. Мрачно и тяжело было слышать и видеть, как наша армия под руководством царских генералов, с звериной душой, убивала тысячи поляков за то, что они добивались освобождения своей родины.

Повторяю, на каждом этапе развития, в каждый промежуток истории мы имели такую армию, какую заслуживали иметь.

С того преимущественно момента, как цивилизованная Европа перешла от старых полуфеодальных, полукрепостнических армий к созданию армии на основании всеобщей воинской повинности, армия

езде стала являться плотью от плоти, кровью от крови самого народа. Каждый народ стал иметь такую армию, какой он заслуживал. В армии, как солнце в малой капле вод, стал отражаться и политический строй и весь общественный уклад, господствовавший в данной стране.

Если в стране у власти стояли помещики, существовал крепостной строй или господствовала буржуазия, это все сказывалось на каждом шагу и в армии. Так было в России, так было и во всем мире.

Вот почему и нынешняя красная армия, с нынешним командным составом ее, также отражает в себе то, чем теперь бедна или богата наша страна; все ее как слабые, так и сильные стороны. Она является отражением того, что есть во всей России, во всем нашем общественном укладе, во всем экономическом и политическом строе.

II.

Может ли армия стоять вне политики?

И тут прежде всего нужно ясно ответить на вопрос о том, может ли армия стоять вне политики.

Вы знаете, что не было и нет более распространенного и, по моему, более неверного мнения, как то, будто армия стоит или должна стоять вне политики. При старом режиме царская Россия и буржуазная Европа утверждали, что армия должна быть аполитичной. Я повторяю, что это неверно, этого на деле нет и быть не может.

Буржуазный и старый строй вообще утверждают еще, что и школа должна стоять вне политики. Мы же говорим, что не может стоять и школа вне политики; да никогда она и не стояла.

Школа есть плоть от плоти, кровь от крови и кость от кости всего общественного уклада; на школе лежит печать всего общественного строя. Про школу тоже можно выразиться: «скажи мне, какая у тебя школа, и я скажу, какой у тебя общественный строй». Школа никогда не стояла вне политики; университеты, церковно-приходские школы, школы грамотности при царе были направлены к тому, чтобы обслужить интересы помещиков, буржуазии. Так было и есть везде, даже в самых свободных демократических странах, как Франция и Америка.

Начиная с 5 лет, в той же «демократической» Франции ребенок поступает в духовную лабораторию буржуазии; ему дают буржуазную хрестоматию, учат буржуазным песенкам; с малых лет ему говорят, что нет и не может быть лучшего строя, чем тот, который его окружает. Ему внушают, что не было и нет больше героев, чем великие завоеватели во Франции, покорившие чужие народы, награвившие колоний, и т. д.

В России политика применялась к школе особенно грубо. Управлять министерством народного просвещения назначались такие махровые реакционеры, как приснопамятный профессор Кассо, разные Уваровы, Ширинские-Шихматовы, Дм. Толстые и т. п.

Во Франции и Германии, в Англии и Америке это совершается тоньше, искуснее, умнее. Европейская буржуазия, не в пример помещикам, умеет обманывать народ свой с большей ловкостью, чем это делалось у нас. Но везде одна и та же картина,—и элементарная школа и высшие факультеты везде служат тому строю и классу, который стоит у власти, т.-е. в данном случае школа служит банкирам, буржуазии, помещикам.

То же самое можно и должно сказать относительно армии. Многие частники армии, многие действительно просвещенные культурные люди из командного состава до сих пор сами глубоко убеждены в том, что армия обязана стоять вне политики. Это впиталось уже в плоть и кровь. И тем не менее, нет большей ошибки, чем эта. Никогда ни одной минуты ни одна армия не стояла вне политики; а всегда, с тех пор, как армии, основанные на всеобщей воинской повинности, существуют, они служат только определенной политике и выполняют определенную политическую роль, быть может, иногда сами того не сознавая.

При царе, при крепостном праве, в 1848—1849 годах, когда посылали армию душиить венгерскую революцию, разве она не исполняла определенного политического назначения. Крепостные солдаты, которых посылали в Венгрию, пожалуй, не отдавали себе отчета в этом; наверное не отдавали. Может быть, и генералы и офицеры, стоявшие в крепостной армии, далеко не все понимали, какой политике они служат, и даже не понимали слова «политика». И тем не менее армия в 1849 году выполняла определенную политическую роль; именно—служила политике русского царя и русских помещиков.

Когда в 1904—1905 годах миллионы наших солдат дрались с японцами; разумеется, многие из солдат не думали, что они выполняют политическую роль; в том числе и командный состав. А тем не менее прошло 15 лет и уже совершенно ясно всем, что русско-японская война вытекла из политической борьбы, что царь и буржуазия завяли нарочно эту войну, во-первых, надеясь таким образом отвлечь народ от внутренних вопросов, а во-вторых, преследуя цели наживы, грабежа, завоевания новых рынков.

III.

Русская армия и внутренняя борьба.

В русско-японской войне наша армия, одним словом, выполняла определенную политическую задачу; она не стояла вне политики.

А как только вы перейдете к нашей внутренней борьбе, то, разумеется, вам станет особенно ясно—до наглядности ясно,—что наша армия тем более ни одной минуты не стоит и не стояла вне политики. Русскую армию посылали душить польское восстание. Разве это не была политика? Политика реакционная, темная, грабительская, черносотенная, вызывавшая краску стыда на лице таких людей, как Герцен, и других лучших людей его времени, но—политика.

Возьмите канун первой революции—1903—1904 годы, когда поднимается могучее крестьянское движение, когда в Саратовской губернии, в центральной России и на юге России впервые начинают пробуждаться крестьянские массы, когда крестьяне начинают восставать под знаменем требования земли; разве правительство тогда не прибегло к тому, чтобы бросить карательные отряды по всей России? И в Саратовской губернии и в целом ряде других были устроены массовые секции крестьян, требовавших земли. Что же—и это не было политикой? Разве армия стояла вне политики? Армия выполняла определенную политическую задачу.

Но, конечно, задачу гнусную, реакционную, противонародную.

IV.

Тяжелое прошлое.

Рассказывали и кое-где писали, что в Саратовской губернии в разгар крестьянских восстаний, когда пришло несколько полков, чтобы перепороть почти все волости Саратовской губернии, в одном случае (в Балашовском уезде) Столыпин, тогдашний еще губернатор и вскоре за этот подвиг назначенный министром, и вместе с тем один из крупных помещиков, сидел в уютной беседке и пил чай, наслаждаясь зрелищем, как наши собственные солдаты, может быть, также крестьяне, по приказанию начальства секли саратовских крестьян. Разве это не политический символ? Губернатор, будущий министр внутренних дел и премьер, крупный помещик, наслаждается за самоварчиком картиной сечения крестьян казаками за то, что те не хотят терпеть ига помещиков и начинают восставать; неужели это можно назвать: «стоять вне политики»?

Нет, армия не стояла вне политики; она делала политику Столыпина и тех помещиков, которые разными хитросплетениями умели держать в своих руках армию и заставляли одну часть крестьян пороть другую часть,—заставляла при помощи огромного аппарата обманов и насилий часть рабочих и крестьян идти против своего народа, арестовывать собственных отцов и братьев, сечь собственных односельчан.

Наконец, вы помните революцию 1905 года, потопленную в крови наших рабочих и крестьян стараниями генералов Дубасовых, Ренненкампов, Минов и пр.; карательные отряды тогда прокатились по Сибири и вообще по всей России, а Семеновский полк задавил восстание в Москве, заливши кровью ее площади и окрестности. Скажите, кто это делал? Это делала наша армия, наши крестьяне, может быть, частью рабочие. Разве они в тот момент стояли вне политики? Увы, они решали участь целой революции 1905 года; армия выполняла политику генерала Мина, Столыпина, Николая Романова, которые держали армию в своих руках.

Почему, однако, старое правительство в России, а буржуазные правительства в Европе и посейчас стараются уверить, что армия стоит и должна стоять вне политики. А потому, что у них совесть нечиста, потому, что они *не могут* сказать правду народу, потому, что у них все правление основано не только на самообмане, но и на обмане; они не могут откровенно сказать армии, состоящей из рабочих и крестьян, что она должна оберегать интересы имущих классов, буржуазии, помещиков и банкиров; им нельзя с подобным откровенным заявлением сунуться к народу, и остается придумать что-нибудь благовидное, хотя бы по внешности; чтобы рабочие и крестьяне могли их пилюлю проглотить, они ее золотят. Таким образом, придумана лицемерная идеология, что армия—это что-то особое, стоящее в стороне или где-то по середине, что она никакой политикой не интересуется и не должна интересоваться.

Буржуазное правительство вынуждено лицемерить и только рабоче-крестьянское правительство может сказать всю правду прямо и определенно народу.

V.

Армия и беспартийность.

Возможно, что в рядах нашей армии и командного состава есть много людей, не одобряющих нашу политику и желающих вести другую политику; тем не менее, мы не прячемся в кусты. Хотя с точки зрения ближайших интересов нам было бы и выгодно сказать, что армия стоит вне политики; но наше правительство тем и отличается от других, что оно не руководится интересами секунды. Для него вся политика продиктована лишь интересами правды и истины. И если бы мы сказали, что наша армия, будто бы, стоит вне политики, это было бы глубокое лицемерие с нашей стороны. Это было бы унижением Советской власти.

Как армия Французской республики, которая сейчас завоевывает колонии в Африке или помогает Колчаку в России, не стоит вне поли-

тики, а выполняет определенную политику, которую ей диктует буржуазный класс, так и наша красная армия не стоит вне политики, а проводит определенную политику, защищая определенные интересы,—с той разницей, что она защищает интересы громадного большинства трудящихся классов, защищает интересы рабочих и крестьян.

Вот почему, товарищи, я думаю, наш командный состав должен уяснить себе основную мысль нынешнего нашего правительства: *нигде и никакая армия не стояла и не может стоять вне политики.*

Вот почему надо прежде всего договориться насчет основной мысли: нет большего лицемерия, более закоренелого предрассудка, как то мнение, по которому какая-либо армия или какая-либо крупная часть этой армии может стоять вне политики. Если кто думает это искренно, тот жертва самообмана. Но буржуазные классы никогда искренно ни на одну секунду не говорили этого, а преподносили эту пилюлю темному народу для того, чтобы лучше обманывать его, как рабочим преподносят беспартийность. Не говорят рабочим: иди в буржуазную партию, потому что знают, что рабочий туда не пойдет. А скажут рабочему: будь беспартийным,—и на эту удочку ловят народ. Точно так же с армией. Буржуазия не говорит: иди на службу к золотому тельцу, к денежному мешку. Сказать прямо—выйдет неприлично. А если сказать так, что стой в стороне от политики, тебя это не касается, офицеры не должны интересоваться политикой, армия должна быть в стороне от политики, то это звучит уже более или менее благозвучно, и на эту удочку можно кой-кого поймать.

Разумеется, отдельный человек, отдельная группа может не заниматься активной политикой. Есть люди ученые, которых интересует отдельная специальность, которые любят военное дело, как таковое, которые занимаются этим просто из любви к военному делу, эти люди, как отдельные личности, остаются вне политики, они не принимают активного участия в политике. И никто им не говорит: войди в нашу партию или войди в нашу политику.

Но насколько мы разбираем общие вопросы, мы говорим: каждый взрослый интеллигентный человек должен понять, что с того времени, как существует история культурных народов, никогда ни одна армия не стояла вне политики и не может стоять.

VI.

Офицерство и его расслоение.

Не то же ли самое надо сказать в частности относительно офицерства? Не было и нет такого офицерства, как массы, которое могло бы стоять вне политической борьбы, вне борьбы партий. Дело не в партийных тонкостях, не в деталях, в частности, а дело в основном принципе.

Если мы коснемся судьбы русского офицерства, его развития—кстати, оно ближе нам, то увидим, что и у нас офицерство никогда не было сплошной однородной массой и никогда не стояло вне политической борьбы.

В нашем офицерстве всегда существовало определенное расслоение. Одна часть офицерства думала одно, другая часть—думала другое. Одна часть офицерства боролась в рядах одного лагеря, другая часть офицерства—в рядах другого лагеря. Повелось это уже около ста лет тому назад. Одно из первых революционных выступлений, сколько-нибудь массовых, за республику против монархии вышло ведь из рядов офицерства.

Я говорю о восстании декабристов 95 лет тому назад. Мы никогда не забывали и не забудем, что рядом с реакционными преступлениями, какие совершало офицерство против своего народа в прошлом, а в белогвардейском стане совершающее и ныне, есть имена великих людей, поднявших декабристское восстание 100 лет тому назад в Петербурге. Часть офицерства, наиболее образованная, развитая и наиболее культурная, выступала уже сто лет назад против царя за республику. Много десятков офицеров погибло тогда, много семей было разбито. Но имена, как Пестель, Рылеев, Муравьев, Каховский и пр., сияют как звезды на небе. Наш народ должен знать эти имена; знать, что из рядов привилегированных классов, богачей, аристократов 100 лет тому назад вышла целая плеяда борцов офицеров, которые пытались свалить царизм, опираясь на петербургские полки, чтобы учредить республику. Эта попытка не удалась, народ был темен, войска не поддерживали, рабочих еще почти не было, крестьяне были забиты, да к ним декабристы и не обратились, и эта попытка смельчаков стоила им кровавого поражения.

Таким образом в начале XIX века наше офицерство уже не было сплошь мрачной реакционной массой; уже тогда было известное расслоение, и определенные группы добивались республики и низвержения монархии.

Возьмите также великих писателей, поэтов, которые тоже одно время были военными, и вы увидите, что из их рядов вышли гении, крупные таланты, и вышли первые провозвестники революционной борьбы. Великий русский поэт Лермонтов был военным, Пушкин, народный поэт, также имел соприкосновение с военной средой, и много десятков лет тому назад написал пламенное четверостишие, которое следует напомнить нынешним офицерам. Четверостишие это, которое вы, вероятно, знаете, гласит:

Самовластный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу;
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу.

Вот какие пламенные слова вырывались много десятков лет тому назад у человека, всей жизнью своею связанного с привилегированным классом. Он ненавидел царизм до глубины души, и первый создавал кружки интеллигентной молодежи, также ненавидевшей царизм. Дальше, в 60-х годах среди деятелей освобождения крестьян были и отдельные представители офицерства. Мы знаем в 70-х, в 80-х годах среди тогдашнего поколения революционеров было также не мало благородных представителей офицерства, погибших на виселицах за дело революции. Между прочим, в 80-х годах погибла целая группа русских офицеров, теснейшим образом связанных с известным революционером-народовольцем А. Желябовым.

VII.

„Народная Воля“ и первые ласточки революции в офицерстве.

Желябова в особенности должен знать наш народ. Кто был А. И. Желябов? Он был сыном крепостного крестьянина. Ему удалось получить некоторое воспитание, так как барин заметил его способности, и как-то, по счастливой случайности, мальчику удалось попасть в школу. Теперь есть подробная биография А. И. Желябова. Будучи подростком, он наблюдал несправедливости крепостного строя; при нем барин изнасиловал сестру его матери, и эта обида запала в душу мальчика; он дал клятву, что, когда подрастет, непременно убьет этого помещика, опозорившего близкого ему человека. Когда же он подрос и возмужал, и стал интеллигентным человеком, он сказал себе: зачем я буду убивать самого обыкновенного рядового помещика; если убивать, так уж первого помещика в России, т.-е. самого царя. И А. И. Желябов стал революционером, стал во главе первых революционных кружков и организовал убийство 1 марта 1881 года, убийство Александра II.

Вот этот Желябов, поднявшийся с низов, вышедший из среды крепостных крестьян, стал величайшим вождем революционной партии, одним из основателей русской революции, и в Петербурге в 70-х годах первый собрал вокруг себя офицеров, которые шли за ним. Из его теперешней биографии, которая печатается и выйдет скоро, известно, как он вел агитацию среди офицерства. Нельзя без волнения читать сцену, когда он, на своей квартире, преследуемый со всех сторон сыщиками и шпиками, пригласил трех офицеров, подававших надежды на то, что их можно поставить на службу русской революции, как он говорил пламенные речи перед тремя офицерами, и как удалось ему вовлечь их в свой кружок и привлечь к работе за освобождение от царизма нашего народа.

И насколько легче нам бороться теперь, принимая во внимание состав нынешнего собрания, по сравнению с тогдашним поколением революционеров. Мы можем собрать тысячи офицеров и солдат и говорить открыто о нуждах наших. А 30 лет тому назад лучшие вожди русской революции должны были собирать по три офицера, чтобы попытаться с ними говорить.

Пламенная речь Желябова—надо заметить, человека не только талантливого и преданного революции, но и ума необыкновенного—настолько повлияла на трех офицеров, что они сразу дали руку и клятву, что остаются навеки в рядах революционеров. Эти офицеры в 80-х годах были, безусловно, одиночками, но—тем большая их заслуга. Чем ночь темней, тем звезды ярче. Чем наша реакция была темнее, тем ярче светили звезды таких людей, как Осинский, Ковалик, Суханов, Михайлов и другие офицеры, вышедшие из среды высшего командования и перешедшие на сторону народа 30 лет тому назад.

И, значит, русское офицерство также никогда не стояло, как таковое, как целое, вне политики, и всегда в его среде была такая часть, которая рвалась к народу, и такое большинство, которое, будучи большинством, шло против народа.

Подобную же картину вы можете наблюдать и сейчас.

VIII.

Офицерство в цифрах.

Товарищи, я не могу сказать точно, но мне сдается, что в разгар войны с Германией, когда мобилизованная армия была больше чем в 10 миллионов, офицерства в России было, по крайней мере, полмиллиона. Так что и к октябрьской революции его было, примерно, полмиллиона. Я говорю приблизительно, в грубом подсчете и сейчас нет возможности точно это проверить. Как же распределились и распределяются симпатии этого полумиллиона офицеров? Я думаю, что из пятисот тысяч офицеров, примерно, на глаз, около 100 тысяч числится (я говорю о старом кадровом офицерстве) в рядах красной армии; и громадное большинство это служит в красной армии не за страх, а за совесть; около 200 тысяч состоит «ни в тех, ни в сех», рассеяно по России, и по советской, и по захваченной белогвардейцами, и старается как-нибудь уйти от гражданской войны, как-нибудь остаться в стороне; да, примерно, около 200 тысяч находилось в рядах противника, в рядах белогвардейцев, помещиков (на фронте и в тылу) и борется против рабочих и крестьян.

Вы видите из этих приблизительных цифр, что нынешнее офицерство не есть какая-нибудь сплоченная, однородная масса, а распадается на различные слои. И когда я слышу от некоторых военных

специалистов, офицеров, которые замечают, что не надо смешивать офицера-помещика с офицером просто, я говорю, что они правы. Да, надо иметь в виду, что есть офицер-помещик и есть офицер просто. Офицер помещик защищает свои привилегии; он хочет непременно иметь тысячу десятин земли и сохранить свой «вишневый сад», свое «дворянское гнездо»; другой офицер получал при царе неполных 100 руб. жалованья, жил плохо, вышел из среды служилой интеллигенции, в сущности говоря, интересами больше связанной с трудовым народом, чем с помещичьим классом.

И наше нынешнее офицерство также разделено на известные классы, на известные слои, и мы не можем окрасить всех в одну краску, мы не должны представлять себе его сплошной, однородной, черной, реакционной массой. Мы не делаем этого потому, что этого нет в действительности.

Есть в офицерской среде крупные представители одного лагеря и другого. Возьмите хотя бы представителя белой гвардии, «белофинна» Маннергейма, который вышел из среды русских офицеров, здесь воспитывался, здесь возрос. Деникин, Колчак, Юденич тоже ведь представители русского офицерства, в них выразился свирепый тип офицера-помещика. Это «зубры», защищающие свою тысячу десятин и не желающие признать великую революцию. Однако, за время нашего освободительного движения вспыхнули более яркие имена офицерства, вышедшего из среды народа и служившего народу; достаточно сказать о лейтенанте Шмидте или о генерале Николаеве, который недавно погиб в Ямбурге,—генерал старой русской царской армии был повешен белогвардейцами, Юденичем и К^о и, умирая с веревкой на шее, провозгласил: «Да здравствует красная армия; я заявляю, что я до последнего вздоха служил рабочим и крестьянам».

Есть, есть такие отдельные лица, герои в рядах командного состава красной армии. Слава им!

IX.

Офицер — и офицер.

Разумеется, одна ласточка не делает весны. К сожалению, таких героев, как покойный тов. Николаев, у нас пока мало; мы можем их перечесать по пальцам. Но знаменательно, что могла родиться и выявить себя хотя бы одна такая исключительная фигура. Для этого нужна была известная обстановка, известное настроение масс, чтобы сложилось соответствующее душевное настроение. Впрочем, в наших рядах есть и еще такие товарищи, напр. тов. Егорьев, один из крупнейших деятелей на Южном фронте, офицер старой царской службы,

выдерживающий в течение полутора лет героическую борьбу и выказавший редкую глубину самопожертвования и благородного порыва в самой трудной обстановке. Можно было бы все-таки на многочисленных фронтах гражданской войны назвать сотни имен офицеров, совсем других, не таких, как Балахович, Юденич, Маннергейм, Колчак и пр.

И если вы поставите с одной стороны Колчака, Деникина, Балаховича, а с другой стороны—лейтенанта Шмидта, ген. Николаева, Егорьева, вы сразу увидите, что есть офицер и офицер. Вы сразу увидите, что нет большего лицемерия и гупоумия, как утверждать, что офицерство в целом может и должно стоять вне политики. Ибо не может Юденич стоять вне политики, не может стоять Балахович вне политики; они делают политику помещичью, которую им подсовывает маленькое меньшинство богатей и привилегированных. И есть лейтенант Шмидт, Николаев, Егорьев, которые тоже не стоят вне политики; они также делают определенную политику.

Может быть, они не разобрались в тонкостях партийной программы, может быть, они никогда даже не читали ее, не входили в партию, но в основной борьбе белых и красных, труда и капитала, мозолистых рук и барчуков они принимали определенное участие, они занимали определенную позицию, они не говорили, что они не теплые и не холодные, они не сидели по середине.

Когда мы берем живьем эти фигуры, становится наглядно, что не может быть и речи о какой-нибудь нейтральности, беспартийности, о стоянии в стороне от политики для офицерства в целом.

Мне кажется, более всего нашему командному составу и русскому офицерству в целом мешает занять определенное место то, что немногие из них отдают себе отчет в том, что, собственно, происходит и что такое переживаемая революция.

Х.

Что такое великая революция?

В самом деле, как будто ясно: революция есть революция. Многие думают, что революция—значит, прогнать царя и посадить президента; прогнать одно правительство и созвать новый парламент. Но это не революция.

Революция становится великой лишь тогда, когда на карту ставятся громадные не только политические, но и экономические интересы, когда массы вовлекаются в движение, когда дело идет не только о короне, а уже о куске хлеба, о десятинах земли, о том, кому будут принадлежать дома, фабрики и заводы, когда этими вопросами начинают интересоваться не тысячи и не десятки тысяч, а миллионы и десятки миллионов людей. Великая революция начинается тогда,

когда могучие пласты народа поднимаются, когда на очереди появляются вопросы собственности, вопросы хлеба, затрагивающие самые глубинные интересы народа.

XI.

Роль офицерства в нашей революции.

Так было и у нас. Когда грянула первая февральская революция, наше офицерство играло роль в большей части сравнительно еще невинную; оно относилось к февральской революции недоверчиво, довольно «прохладно», оно стояло в стороне. Всем известно, что в первые дни революцию делали солдаты, а не офицеры. Офицеры не верили в революцию, выжидали событий.

Уже более враждебно офицерство взглянуло на революцию октябрьскую. Многие думают еще и сейчас, в своей ограниченности, что октябрьскую революцию сделала определенная партия, что это был так-называемый «захват». Нет, октябрьская революция целиком вытекала из февральской, совершенно так же, как после молнии непременно бывает гром; только гром слышен несколько позже. Точно так же после февральской революции должна была произойти октябрьская революция. Февральская революция сбросила корону, сделала первый шаг, выполнила черновую работу, октябрьская революция поставила на очередь вопросы: кому должна принадлежать земля, помещикам или крестьянам, кому должны принадлежать фабрики и заводы. Октябрьская революция сказала: нам мало того, что мы убрали одного царя, мы не хотим вместо одного царя посадить теперь 130 тысяч царьков, помещиков, мы хотим и их убрать.

В 1905 году офицерство почти целиком было враждебно всякой революции; в 1917 году во время февральской революции значительная часть офицерства уже была на стороне политической революции. Лед начал таять, и ко времени октябрьской революции, когда мы поставили на очередь вопросы собственности, офицерство больше всего стало раскалываться. Офицер помещик стал против революции, офицер разночинец, вышедший из трудового народа, из трудящейся интеллигенции или из мещанской массы, этот офицер остановился в раздумьи на распутьи; он не знал, куда ему примкнуть, налево или направо. Он стоял несколько месяцев в раздумьи, пока, наконец, более или менее ясно, пред ним не обрисовался тот или другой путь.

Нашему офицерству больше всего не хватает именно понимания современности—и ему следует уяснить себе, что такое нынешняя революция. Когда офицерство поймет, что это не великий грабеж, а великое народное движение, не какая-нибудь партия, из рукава вы-

тряхнувшая революционные позунги, а действительно—великая революция, тогда оно перестанет стоять на перекрестке, тогда громадное большинство его примкнет определенным образом к нам.

XII.

Войны и социальные перевороты.

Самая большая утопия заключается в уверенности—однако, многие ее лелеют,—что после нынешней войны все, в основном, останется попрежнему. Впрочем, в сущности говоря, и вся политика буржуазного правительства заключается в твердой надежде, что, повоевавши 4 года, достаточно собраться в Париже, написать мирный договор и кончить войну—чтобы река вошла в берега и все сложилось бы по старому; разве только фасад здания при этом несколько изменится, а в основном все останется прежнее. Многие верят в это. Нет более безнадежной и глупой мыслишки, чем эта; если бы даже не было на свете ни одного коммуниста, все равно, весь мир, вся наша грешная земля должна решительным образом измениться после этой четырехлетней войны. И как же может быть иначе.

Возьмите, скажем, Крымскую войну; то была детская игрушка по сравнению с последней войной; и все же кончилась Крымская война тем, что в России произошел великий переворот—было отменено крепостное право. Теперь мы не можем себе представить, какой это был крупный шаг вперед.

Возьмем франко-прусскую войну 1870—1871 годов; война эта, по сравнению с нынешней последней войной, тоже была детской забавой; и все-таки в результате ее во Франции была низвергнута монархия и установлена республика. Между тем, что такое франко-прусская война? Она продолжалась около 9 месяцев, захватила всего две страны, и в ней участвовало на всех ее фронтах гораздо меньше народу, чем на одном из наших фронтов. Но с тех пор прошло 40 с лишним лет; и вот произошла война мировая, когда вцепились друг другу в глотку несколько десятков миллионов людей, когда в течение 4 с лишним лет вся Европа заливалась кровью, все хозяйство принесено было в жертву войне, когда все было разрушено в угоду ей. И посмотрите, сейчас война только что кончилась, а какой громадный переворот: с полдюжины тронов уже сметены, произошел целый ряд революций победоносных и полупобедоносных. И весь мир волнуется, потрясаемый лихорадкой грядущего обновления.

Поистине совершенно безнадежно думать, будто Европа и весь мир не обновятся после мировой бойни. Этого быть не может! Каждая маленькая война приводила к крупнейшим общественным переменам. А то, что вы видели теперь, было не маленькой войной, а

чем-то невиданным в истории. Вся Европа превращена ею во всеобщее кладбище и все народы стоят перед призраком голода.

Не только Россия, а вся Европа! В Вене останавливаются трамваи, в Германии стоят заводы, а в Англии и во Франции угольный вопрос так же обострился, как и у нас.

Могло ли быть иначе? Четыре с половиною года само человечество разоряло свои страны.

XIII.

Психология рядового офицера.

Но спрашивается, к каким же переменам должна привести эта война? Я понимаю рядового офицера. Я представляю себе, как чуждо ему все, что теперь происходит. Ему чужд коммунизм, чужды Советы. Он об этом никогда не думал. Пусть рядовой офицер, однако, задумается, наконец, над результатами невиданнейшего кризиса для всего человечества, над результатами четырехлетней войны. Не станет же он отрицать того, что величайшие перемены неизбежны. Весь вопрос только в том, каковы же будут эти перемены!

Перемены эти уже не могут заключаться в том, чтобы вместо одного царя посадить другого, и вместо прежней Государственной Думы призвать какую-нибудь другую Государственную Думу, хотя бы под названием Учредилки; перемены должны произойти в другом масштабе. Власть в свои руки возьмут трудящиеся классы, которые будут делать множество ошибок, идти, спотыкаясь, учиться на своих ошибках, но дела управления страной все же не доверят никому другому, кроме как самим себе. После четырех лет войны, когда людей труда уложили десятками миллионов, у них проснулось недоверие к имущим классам. Да и как оно могло не проснуться? Крестьяне и рабочие теперь доверяют только самим себе...

Вот в этом-то заключается революция, совершенная войной. Вот откуда истекает все, что вам кажется на первый взгляд чуждо, непривычно, странно, что режет глаз. Город сейчас—как пустыня; лавки закрыты, мало света; и кажется, что мы сделали шаг назад. Рядовому офицеру это должно резать глаз. Он привык, чтобы Невский кишел, чтобы сверкали прекрасные магазины, чтобы было сплошное движение. А при виде нынешнего запустения, ему кажется, что мы губим нашу страну, и возникает мысль, может ли он поддерживать это.

Но рядовой офицер, подумав, должен будет понять, в результате чего произошло все это, и поставить себе вопрос: да полно, *неужели уж такой был идеальный строй, когда Невский кишел*, когда были открыты магазины, когда выставлялись отборные яства, доступные только пяти тысячам человек на два миллиона и недоступные даже

ему, рядовому офицеру? Неужели уже было так великолепно, когда по Невскому проспекту разгуливали отдельные офицеры, франтовски одетые, которые чувствовали себя не плохо, но которые были окружены атмосферой всеобщего недоверия и ненависти, а весь народ смотрел на них, как на чужих, как на прислужников царя, как на тех, которые расстреляли на площади Зимнего дворца 9 января рабочих?

XIV.

Белые и красные.

Ведь то, что происходило последние пять лет, было до того невиданно, необычно, так поставило вверх ногами все прежние отношения, переменило обстановку, что заставило людей переоценить все ценности, передумать все по новому.

Опустел Невский, но опустел также и весь мир. Весь мир разделился на белых и красных не только в России, а и повсеместно. И офицерство во всем мире разделилось на белых и красных. Товарищи, кто был физическим убийцей Карла Либкнехта и Розы Люксембург? Несколько офицеров. Они своими руками убили Либкнехта и Люксембург. И в той же Германии, под пятой Вильгельма, который душил все живое в офицерстве, все-таки есть красные офицеры.

Бисмарк, железный канцлер, хвастался, что немецкого лейтенанта никто не подделает, что только в Германии есть такой лейтенант. Действительно, он был совершенно особой породы, его содержали особо. Как бывают особые конские заводы, где выдерживают определенную породу, так и в Германии, при Бисмарке и при Вильгельме, были такие, если можно так выразиться, заводы, где воспитывали специальную породу лейтенантов с усами вверх. На весь мир они смотрели с презрением и не признавали никого, кроме своего кайзера и прусских свиней.

И все-таки и там мы видим раскол в среде офицеров; есть убийцы и есть офицеры, которые уже поддерживают сейчас рабочих и ждут момента, когда у них тоже будет красная армия.

XV.

Необходимо глубокое понимание современности.

Мир разделился. Офицеру не-помещику сейчас больше всего не хватает исторического понимания современности. Он не должен смотреть на внешность, на мелочи, досадные, может быть, мелочи, которые режут глаз; но внимание его должно останавливать на себе основное. В течение этих четырех лет мир выдержал громадные

испытания; всему миру сделано прижигание каленым железом войны, весь мир меняется; зреет кризис, приближается какая-то страшная ломка, должна произойти перемена, которая происходит, быть может, раз в 500 и даже в 1000 лет.

Такая перемена на наших глазах совершается,—допустим, с ошибками, перебоями. Но сейчас рабочий класс все же движется вперед, он будет падать, но будет и подниматься—по словам поэта, символически уподобляющего его коню:

Но, падая и вновь вставая,
Родит он искры и огонь:
Его копыт железных сила
Дробит скалу глухих высот—
И ночь трепещет вековая.

И рабочий класс будет продолжать начатое движение. И мы сейчас в этом движении находимся, мы движемся по сугробам, мы преодолеваем препятствия, делаем ошибки, набиваем синяки, и все-таки идем дальше.

Надо, чтобы рядовой офицер пошевелил мозгами, посмотрел объективно в корень вещей, а не старался бы объяснять себе исторический роковой неизбежный процесс злой волей отдельных лиц или даже партий; это было бы глупое объяснение; дело не в отдельных лицах и не в отдельной партии, а в громадном историческом факте, в подземных движениях, таких движениях, когда весь мир преобразуется, когда вселенная меняет свои одежды.

И все это происходит сейчас на наших глазах. Какое величавое, гордое, трагическое, но прекрасное время!

Если офицерство поймет то, что происходит, если вникнет в это, вооружится известным запасом здравых взглядов, посмотрит на вещи, как на коренной переворот, а не как на злое проявление того или другого отдельного лица или группы лиц, тогда оно стряхнет с себя заскорузлость и сможет бороться со старым наследием, с прежним своим воспитанием, со старыми пережитками и предрассудками, и с его помощью совершится основной перелом в наших народных массах по отношению к офицерству.

XVI.

Офицерство и Советская власть.

Остается теперь перейти непосредственно к теме: офицерство и Советская власть.

Товарищи, прошло уже два года, как в нашей стране существует Советская власть. И мне кажется, теперь у нас есть определенный

фактический материал, который должны признать и враги и друзья, потому что факты—упрямая вещь, как говорят англичане, их нельзя отрицать.

А факты в основном таковы. Когда рабочий класс и крестьянство под знаменем нашей партии в октябре 1917 года одержали первую рабочую победу, то, несмотря на то, что в Петербурге и в Москве часть офицерства и все юнкера дрались против нас, несмотря на это, на завтра же наше правительство не мстило, не прибегало к репрессиям, а, напротив, немедленно же предложило благородный мир всем этим слоям и, более того, предложило им определенную работу, дало им возможность применить свои силы.

Вспомните. Всякий знает, что Краснов, один из крупнейших реакционных генералов, боровшийся против нас под Петербургом, попал в плен и был привезен, как пленник, в Смольный. Я собственными глазами видел его. И с головы этого генерала Краснова не упало ни одного волоска, ему не было причинено ни одного оскорбления, он вышел из Смольного, как свободный человек, после того, как он дал честное слово, что не будет сражаться против нас. Факт этот не единичный, а типичный для тогдашней политики. Дальше, в Москве после целой недели самых жарких боев, после того, как в Кремле были заперты революционные полки и расстреливались юнкерами под руководством правого эс-эра Руднева, после недели самых страшных кровопролитий, когда московские рабочие взяли власть, их революционный комитет, на завтра же или в момент заключения перемирия, сказал: вернуть оружие тем, кто дрался против нас! На таких условиях было заключено перемирие. Теперь вышла книга, и вы можете прочесть текст этого договора. Этот документ подписан, с одной стороны, от нашей партии тов. Смидовичем, тогда председателем Московского Совета, старым революционером, который поседел под красным знаменем, с другой стороны представителями юнкеров и тогдашнего Комитета Возрождения. Московские рабочие, победив, не мстили юнкерам, которые боролись против них; они выпустили их на свободу, вернув им оружие.

Достаточно этих двух примеров для того, чтобы будущая история и каждый не зараженный белогвардейским ядом человек сказал: в начале октябрьской революции Советская власть не прибегала к репрессиям, даже по отношению к активным врагам, вышедшим из рядов офицерства. Советская власть не только отказалась от мести, но, что гораздо важнее, она сказала: офицеров в России несколько сот тысяч, им надо дать возможность жить, им надо дать возможность работать в новой освобожденной стране. И вы помните, что с первого момента образования красной армии наше правительство обратилось ко всему русскому офицерству и сказала ему открыто и дружелюбно:

всякому, кто хочет поддерживать рабоче-крестьянскую власть, кто понял, что произошел величайший переворот, кто хочет служить своему народу, всякому такому честь и место, идите, приложите ваши знания, которые достались вам дорогой ценой за счет русского народа, идите приложите ваши военные знания к построению новой трудовой армии, которая будет бороться против германских империалистов, против внутренних белогвардейцев, против тех, которые будут посягать на Советскую Россию.

Таково было обращение Советской власти. Это должен признать и друг, и враг, этого не вычеркнешь; что написано пером, того не вырубишь и топором. Вот каковы были факты.

В ответ на это среди офицерства началось то разделение, о котором я говорил раньше. Часть его пошла к нам с недоверием, даже с камнем за пазухой, но потом стала все больше втягиваться в работу строительства. А другая часть, большая часть, пошла против нас и представляет собою сейчас ряды белых, борющихся против своей собственной страны.

Товарищи, я знаю, что среди военных специалистов раздаются протесты против огульных обвинений; они справедливо замечают, что все-таки надо различать одну часть офицерства от другой.

Совершенно верно. Верно и то, что теперь после двух лет самой ожесточенной гражданской войны, в среде рабочих и красноармейцев иногда принято пренебрежительно говорить о специалистах вообще и об офицерстве, в частности. Может быть, не всегда справедливо. Но офицерство должно понять, откуда это берется.

Я обращаюсь к вам и говорю: граждане, вы должны понять, чем порожден и питается этот источник недоверия к офицерству.

В самом деле, когда на свете есть Юденич, организатор лиги убийц; Балахович, втершийся в доверие красной армии и потом перебежавший на сторону белых, продававший отдельные уезды Псковской губернии эстонской буржуазии, когда есть Колчак, который перепорол крестьян во всех занятых им волостях, уездах и даже губерниях, когда стон этих крестьян достигает Петербурга и Москвы, понятно, откуда эта злоба к тем, которые были в одной шкуре с Колчаком, носили такие же эполеты, учились тому же, чему учился Колчак. И когда есть такие фигуры, как Неклюдов, такое отношение неизбежно.

Кстати, я несколько остановлюсь на этой фигуре. Я познакомился с Неклюдовым, когда был на Красной Горке, где он служил комендантом. При встрече с ним, я легко объяснил себе, почему Неклюдов в красной армии. Он был молодой еще человек из хорошей старой семьи, из которой выходили либералы при Александре II и Александре III; он участвовал в постройке этого форта, и ему, может

быть, был, мне казалось, дорог каждый камень на этой Красной Горке. При царе он был пятая спица в колесе, ему не давали ходу старые чиновники, которые, обыкновенно, не доверяли опытности молодых сил; при Советской власти ему отдали в распоряжение форт, он мог применить здесь свои силы; говорили, что он большой специалист, артиллерист, очень любит свое дело, и казалось, ему дали развернуться, поставили, как большинство офицеров, в сравнительно сносные материальные условия жизни—и можно ли было ожидать от него предательства? Но вы знаете, что сделал этот человек. Ключ от нашего города он продал. Кому же? Финской буржуазии,—той финской буржуазии, которая сидит на горе трупов финских рабочих, которая около двух лет тому назад расстреляла сотни русских офицеров не за то, что они коммунисты, а просто за то, что они русские; финская буржуазия, зверская, тупая и ограниченная, резала и русских офицеров только за то, что они русские.

Теперь, после того как мы первые признали финскую самостоятельность, финны бросают бомбы в Кронштадт, стреляют на наших границах, издеваются над своим собственным народом. И вот русский офицер, которому был доверен ключ от важнейшего города, в решающий момент преподносит его на блюде этой самой финской буржуазии. Неклюдов посылает радио в Биорке к финским властям и частью английским властям и говорит: «Красная Горка в вашем распоряжении, приходите и владейте нами». Можно ли представить себе более темное предательство, более гнусное падение, более бесчестный шаг, как тот, который совершил русский офицер-специалист Неклюдов?..

И вот, товарищи, я говорю, когда есть такие махровые фигуры предателей, тогда не удивительно, что среди крестьян и рабочих, трижды обманутых и трижды проданных, можно встретить огульное отрицательное отношение ко всяким военным специалистам, кто хоть что-нибудь общее имеет с этими Неклюдовыми и Колчаками.

Более того. Главное преступление русских белогвардейцев заключается в том, что они ведут заговор, конспирацию с иностранцами. Они делают совершенно то же самое, что делали отбросы дворянства и буржуазии во время великой французской революции. С кем только не конспирирует значительная часть русского офицерства, кому только оно не продается! Сначала офицеры продавались Вильгельму, потом Скоропадскому, потом французам, англичанам, японцам, румынам, туркам, китайцам, кому угодно!

Разве это не есть величайший позор, разве это не самая черная страница, вписанная в историю русским офицерством? Ведь, товарищи, если бы наш народ даже трижды заблуждался, если бы он совершал безумные шаги, все-таки это делает наш народ, масса наших рабочих и крестьян, и идти против них с французскими биржевиками, с румын-

скими помещиками, с финскими белогвардейцами, с Вильгельмом, японцами, с кем угодно, разве это не величайшее преступление? А между тем это совершается сплошь и рядом. Теперь Юденич и Колчак не считают зазорным сообщать, сколько они получили от англичан; они хвастают этим. Они говорят: мы готовимся идти походом на Питер. Сегодняшнее радио, напр., гласит: «мы получили танки, деньги, хлеб». Рядовой офицер на службе у Юденича одет щеголем, ходит во френче, в великолепном английском френче. Вы помните, как писал разоблаченный заговорщик: армия на юге постепенно переодевается в английскую форму добровольческой армии. Рядовой офицер, который одет в великолепную английскую форму, у которого все, начиная от эполет и кончая сапогами, куплено на английское золото, как он не стыдится самого себя, как эти эполеты не жгут ему плечи, как он, причесанный у французского парикмахера, как он может издеваться над тем, что русская, крестьянская сермяжная армия ходит разутой, раздетой, что есть целые команды босые.

Таким образом совершается чудовищнейшее предательство на глазах у всего народа. Люди одеваются, кормятся, обучаются англичанами и французами, которые свою армию послать в Россию не могут, потому что их солдаты достаточно сплочены и организованы и не идут убивать русских рабочих и крестьян. А деньги заграничные буржуа могут дать, танки они могут прислать, чтобы предатели наши рубили в клетку русских рабочих и крестьян, грабили Россию, разоряли деревню и душили Советскую власть.

И, конечно, известную занозу офицерство загоняет в душу миллионов рабочих и крестьян, изнывающих под тяжестью войны и жаждущих отдохнуть; они прогнали буржуазию и теперь могли бы отдохнуть, могли бы прийти к окончанию войны, если бы не эта часть русского офицерства, отдавшего свою шпагу, свою честь и свою совесть английским и французским капиталистам.

Много в военных школах говорилось при царе будущим офицерам о патриотизме, о любви к родине. Но то были фальшивые слова, потому что при царе целые губернии продавались и целые уезды раздавались в награду или шли проституткам и наложницам. А теперь, когда Россия не мачехой, а матерью стала русским рабочим и крестьянам, мы имеем право говорить об отечестве и отчизне. Кто же, однако, распинает отечество и торгует им, кто продает его англичанам, французам, японцам, туркам, китайцам—всякому, кто покупает?

Увы, та часть офицерства, которая крепкими узами связана с помещиками и которой кажется, что можно повернуть колесо истории назад и вернуть старые привилегии.

Вот почему я говорю, что нечего удивляться, что известная напряженная атмосфера есть и что пройдут месяцы, может быть годы, пока создастся, на этой почве, наконец, полное примирение.

Возвращаясь назад, я утверждаю, что всякий беспристрастный человек должен признать тот факт, что Советская власть предлагала мирную работу и сносное существование всему офицерству под единственным условием: не мечтать о возврате земли помещикам, короны—царю в форме Учредилки или в какой-нибудь иной, и фабрик и заводов фабрикантам и заводчикам. Это было единственное требование, которое мы ставили и которое, в сущности, ставила не партия, не отдельные люди, а сама история, все человечество.

XVII.

Командиры и комиссары.

Вот как мне рисуются взаимоотношения командного состава и красной армии. Знаю, что есть множество шероховатостей; многое не установилось и сейчас; большой опыт нужен прежде чем установятся нормальные отношения. Взять хотя бы взаимоотношения комиссаров и командного состава.

Комиссар, с одной стороны, должен работать рука об руку с командиром, с другой стороны—волей неволей вынужден иногда не доверять ему; отсюда положение обоюдоострое, иногда нервничанье. Комиссары поддаются то в одну сторону, то в другую, некоторые ассимилируются, подчиняются военным специалистам, превращаются в канцелярских чиновников при военном специалисте; и это нехорошо, это недопустимо. Но есть и обратная крайность, когда комиссар создает невозможное положение командиру, когда бывает постоянная свара, постоянное подсиживание, постоянные недоразумения, в общем, создается обстановка, при которой невозможно работать ни тому, ни другому.

Надо отбросить обе крайности. Нужно помнить, что комиссар есть представитель класса, завоевавшего власть и стоящего незыблемо у власти; вместе с тем должно уважать и достоинство человека, который, без камня за пазухой, хотя он и вышел из другой среды и имеет другое воспитание, идет к нам работать и помогает своими знаниями не партии, а народу, России,—той России, которая сейчас нищая, голодная, распинаемая со всех четырех сторон, но все-таки наша родная, любимая Россия. В этой борьбе за нашу Советскую Россию такого человека надо уважать, надо обставить его так, чтобы он мог работать, развернуть свои силы и не чувствовать себя окруженным со всех четырех сторон враждебными взглядами; надо, чтобы

каждый шаг его навстречу красной армии ценился. От нашего командного состава ведь зависит очень многое.

Надо создать командный состав из рабочих и крестьян, или создать условия, при которых честное офицерство, не помещицье, могло бы спокойно с открытой душой работать с нами вместе. Тогда наша армия сразу станет в десять раз сильнее, и мы получим возможность закрепить нашу победу. И надо раз навсегда рядовому офицеру сказать, что победа за нами, во всяком случае, обеспечена, и не потому, что мы горячо желаем этого; мы желали этого еще 20 лет тому назад; а потому, что так сложилась обстановка гражданской войны.

XVIII.

Почему мы победим врага?

Борьба идет в рукопашную. Раз дело дошло до рукопашной, мы не можем не победить—по той причине, что русских рабочих и крестьян в тысячу раз больше, чем помещиков и буржуазии и всей интеллигенции, если бы она целиком пошла против нас. Пока царь держался обманом и насилием и заставлял армию сечь крестьян, он мог оседлать рабочую и крестьянскую Россию и дергать ее направо и налево. Но с тех пор, как власть перешла в руки рабочих и крестьян и завязалась рукопашная, когда стена пошла против стены, мы можем потерпеть поражение на том или другом фронте, можем затянуть войну на 1—2 года, но не победить мы не можем, потому что, повторяю, громадное большинство на нашей стороне. А рабочие и крестьяне умеют учиться и выдвигать командиров полков, бригад и дивизий, умеют сражаться и побеждать.

Да, наша победа может быть отерочена при помощи впрыскивания золота из Франции и Англии, при помощи измен Неклюдовых, Колчаков, Юденичей, Балаховичей, гражданская война может затянуться, но эту гражданскую войну, разоряющую Россию, мучающую страну, эту войну затягивают те звери во образе человека, которые продаются направо и налево для того, чтобы заставлять Россию воевать, и те, которые остаются ни теплыми, ни холодными и жуют старую жвачку, перебирают старую труху вместо того, чтобы определенно стать на одну сторону—именно, на сторону народа, на сторону рабочих и крестьян своей собственной страны. Вот кто затягивает гражданскую войну.

Я уверен, товарищи, что уроки, которые мы получили за два года, не проходят даром. Красная армия крепнет, командный состав становится все выше. И поскольку это так, он оказывает громадную пользу поднятию дисциплины, боеспособности, помогает сплотить нашу армию, которая теперь за полтора года выросла так, что другие

армии на это потратили бы 25 лет. И это—при всеобщей нищете, при разорении, после четырех с половиною лет империалистской бойни. Мы имеем право светло смотреть в будущее. Число честных командиров будет расти, а число Иуд, называющихся Неклюдовыми, Колчаками, Балаховичами, будет таять. Будет расти число таких людей, каким был тов. Николаев. Ибо люди видят нашу правду, весь мир видит нашу правду, рабочие и крестьяне всего мира идут по нашим стопам. Они видят, что, мы разутые, раздетые, боремся за правое дело, а правое дело не может не победить. (*Бурные аплодисменты*).

Заключительная речь тов. Г. Зиновьева.

I.

Почему арестовывают офицеров?

Товарищи, совершенно понятно, что на сегодняшнем митинге мы не можем исчерпать и десятой части тех жгучих злободневных вопросов, которые стоят перед нами; и сегодняшнее наше собрание не последнее, а первое. Вот почему я считал бы более уместным остановиться на общих вопросах.

Нет возможности ответить на многочисленные записки, которые лежат передо мною. Но я выбираю из числа их одну, которая является наиболее тяжелой и ответить на которую труднее всего, потому что она затрагивает наиболее трудные вопросы. Один товарищ, не подписавшийся, спрашивает: «Прошу тов. Зиновьева ответить прямо (подчеркнуто два раза), почему во всех неудачах козел отпущения—офицеры, почему их расстреливают, арестовывают, что значат аресты офицеров...» и т. д.

Вы видите, товарищи, что действительно, вопрос острый, какой на собрании, где присутствует столько офицеров, многие могли бы поставить. Я поэтому его и выбираю. Да; и это я заявляю совершенно открыто,—часто нам приходится производить аресты в большем количестве, чем мы бы этого хотели, и они носят характер, более или менее, огульный. Один говоривший здесь товарищ-офицер указывал на то, что он сам просидел четыре месяца невинно, без допроса, и за это время у него отросла большая борода. Он знает целые группы таких офицеров, которые тоже сидят невинно, и он говорит, что надо их не расстрелять, а освободить.

У нас, действительно, это частенько бывает. Я должен сказать—и кто хочет, пусть поверит, а кто не хочет, пусть не верит—для нас нет ничего более трудного и мучительного, чем эти аресты. Но тот

из вас, кто вдумается в обстановку, поймет, откуда все это происходит.

Если вы вспомните о таких примерах, как Ярославль, как прошлогоднее восстание в Ярославле, когда в один день захватывают у нас город на Волге несколько сот офицеров, когда перебивают всех наших товарищей, забирают пушки, держат в своих руках город две недели, заставляют нас, подвезя громадную артиллерию, разгромить половину города и лишь тогда освободить Ярославль, и когда, как теперь уже известно, это было лишь звеном в целой задуманной цепи, и Ярославль надо было захватить, чтобы соединиться с войсками архангельской группы (и Савинков и генералы открыто признают, что это было дело их рук), то одного этого примера было бы достаточно, чтобы понять, в какие ненормальные условия ставят нас подобные предательские группы офицеров, которые выкидывают такие штуки, как захват Ярославля.

И это не единичный случай.

Вы читали о заговоре в Москве, когда в некоторых военных школах весь педагогический персонал, все офицерство, долженствующее обучать курсантов, *in cogroge*, в целом, занималось службой Деникину и закупало оружие, закупало пироксилин, планомерно пыталось взрывать мосты, готовилось к выступлениям, чтобы помочь Деникину.

Вы знаете, что не один и не два офицера на Красной Горке, а командный состав целого форта, за ничтожными исключениями, совершили дело черной измены, готовясь предать Красную Горку...

А раз такие случаи есть, и они не единичные случаи, то каждый должен понять, на кого приходится тут пенять. Приходится пенять на тех Иуд-предателей, которые вступают в наши ряды для того, чтобы предавать целые города, военные училища, целые форты. Вот что иногда принуждает нас к таким мерам, которые в высшей степени мешают нашему сближению с честным кадровым офицерством, которого мы хотим в интересах самой же революции. Из обстановки, при которой мы работаем, выскочить нельзя, если есть массовые измены и заговоры; а они есть, этого факта отрицать нельзя! Конечно, огульную ответственность на все офицерство возлагать за это нельзя, мы этого не делаем. Вся наша деятельность за два года свидетельствует, что мы принципиально этого не делаем. Но обстановка часто заставляет прибегать к тому, чтобы, действительно, производить массовые аресты, и случается, что люди сидят часто без допроса невинные. Да, лес рубят, щепки летят; никакого другого средства тут не придумаешь; все, что можно сделать, однако, для того, чтобы это свести к минимуму, делается.

II.

Почему приходится страдать иногда и невинным?

Согласитесь сами, что каждому толковому представителю Советской власти приятнее видеть кадрового офицера дерущимся против изменников-помещиков, чем сидящим в тюрьме без дела за государственный счет. Я отвечаю на самый тяжелый вопрос открыто и честно, что в данный момент нельзя коренным образом изменить это, пока не будет коренного массового перелома среди офицеров, пока не будет новых десятков тысяч офицеров в рядах красной армии, пока мы не добьемся того, что предатели будут белыми воронами, на которых указывают пальцем; и пока они не будут презираться собственной семьей, собственной матерью, отцом, невестой, сестрой, женой, мы вынуждены будем прибегать к тем мерам, которые есть.

Ведь сейчас обстановка самой яростной, самой отчаянной борьбы; ведь в нашем городе ютятся сотни шпионов, подкупленных английской и французской буржуазией. Ведь совсем на-днях брошена была бомба в Москве в собрание партийных работников, обсуждавших свои партийные дела, и где погибли беременные женщины.

Если же атмосфера накалена, понятно, приходится иногда страдать и невинным. И человеку военному, знающему, что такое война, меньше всего надо жаловаться в этом отношении; он скорее будет мириться с сверхкомплектными неприятностями, которые приходится терпеть, помимо открытой войны с белогвардейцами. Военному человеку, понимающему боевую обстановку, меньше всего надо обвинять нас. Неприятно, когда сидят близкие или друзья безвинно: это отчаянно тяжело. Я допускаю законность раздражения. Но надо понять, откуда это вытекает. Легко жаловаться и критиковать, но совсем не легко налаживать дело в такой трудной обстановке, как сейчас. Трудно в такой обстановке, как сейчас, сводить офицерство с народом. Не Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем из-за того, что один другого назвал гусаком, и нужно было двух приятелей подтолкнуть, чтобы они помирились; нет, тут дело не из-за гусака, а здесь историческая тяжба, которая продолжается десятки лет; здесь спор идет из-за того, кому должна принадлежать земля, помещикам или крестьянам, кому должны принадлежать фабрики и заводы; ведется тяжба несколькими поколениями.

Вот, что я хотел сказать по этому трудному и больному вопросу.

III.

Н.-д. Набоков у французского адмирала.

Я хотел еще рассказать офицерству, вышедшему из среды, может быть, не только трудящейся, следующий факт: недавно из к.-д. бумаг

был опубликован протокол. Член ц. к. партии к.-д. Набоков, по его собственным словам, посетил на Черном море одного французского адмирала, у которого он, от имени партии к.-д., белогвардейцев так-называемой добровольческой армии Деникина, просил помощи деньгами, хлебом, оружием и т. д. Набоков описывает, как этот адмирал отнесся к нему с неслыханным презрением, к нему—аристократу и представителю к.-д. партии; третировал и оскорблял его так, что Набоков, сойдя с корабля, серьезно думал о том, чтобы пойти и утопиться... Товарищи, вот до чего французские генералы, наемники французской буржуазии, презирают тех русских офицеров белых, даже из дворян и знати, которые им продаются.

Но даже этим белым офицерам я говорю: чем ходить, кланяться, унижаться перед французскими буржуа и наемниками, чем стараться, чтобы вас так презирали, и поделом,—всякий будет презирать того, кто продает собственный народ и идет кланяться французскому буржуа, помогать расстреливать русский народ,—чем вам так подличать и ползать на брюхе перед французами и англичанами, не лучше ли, господа, раз навсегда понять, что в России у власти стоит ныне народ, что не видать вам, как ушей своих, старых поместий, а лучше встаньте на колени перед своим собственным народом и замаливайте перед ним свои грехи. (*Аплодисменты. Крики: браво!*).

IV.

Советская власть чуждается мелкой мести.

Каждому такому офицеру Советская власть скажет: больше радости об одном раскаивающемся грешнике, чем о десяти праведниках.

И ведь не пустая то фраза в наших устах. В министерстве Керенского был инженер Пальчинский, бывший петербургским генерал-губернатором; он жил в Зимнем дворце и расстреливал нас до последних дней, ввел осадное положение, был главным рубаккой в том правительстве. Посажен он был в тюрьму у нас. Он крупный инженер, талантливый человек. А когда увидел, что произошел серьезный исторический переворот, а не буря в стакане воды, он согласился свои знания и сведения отдать Советской России. Тогда Пальчинский был нами освобожден и теперь работает в Москве, свои знания прикладывает к тому, чтобы помочь рабочим и крестьянам.

У нас нет мелкой мстительности, потому что класс угнетенных, который сам сто лет был угнетен, не может мелко мстить, освобождая себя и весь мир. Пальчинский в министерстве Милюкова и Гучкова был тем, чем сейчас у нас тов. Троцкий. И представим себе на мно-

венье, что белые победили нас; разве они могли бы освободить Троцкого? Никогда! А мы освободили Пальчинского, мы оценили его знания и талант, который он может приложить к делу.

Никто так не уважает знания, как рабочие. Мы отлично понимаем, что такое образованный человек. Каждого образованного офицера, инженера, толкового интеллигента, который хочет служить рабочим и крестьянам, мы зовем, мы делаем все возможное, при нынешней нищете, чтобы создать для таких людей сносные условия жизни. И не наша вина, если так трудно, если измен так много, если приходится прибегать к арестам. Но каждому сознательному офицеру, честному, талантливому, у которого в груди не заводная машинка, а сердце, у которого есть знание, полет ума, мы говорим, что он имеет возможность приложить свои силы на широкой арене в рабочей и крестьянской России. И дело сводится к тому, чтобы раз навсегда это поняли люди знания, науки, люди военные.

Люди военные иногда говорят так: ну а когда кончится война, что с нами сделают? Некоторые даже шутят: соберут всех военных специалистов и утопят. Что за ограниченные люди! С точки зрения узкой специальности может даже показаться, что такие военные заинтересованы, чтобы война тянулась как можно дольше, ибо после войны они больше не понадобятся Советской власти. Чересчур детская постанова. Каждый офицер учился чему-нибудь, каждый офицер, как человек дисциплины, пригодится нам. Во-первых, нам надо освободить не только Россию, а вместе с рабочими и крестьянами освободить весь мир. Международная красная армия будет расти. Наши красные офицеры и бывшие кадровые офицеры доживут до великой чести, когда будут помогать бороться не только русским рабочим и крестьянам, а рабочим и крестьянам Франции, Германии и других стран. (Аплодисменты).

Не может быть большей чести, чем эта! И разве сейчас английская и французская буржуазия не посылает в Таганрог, Новочеркасск, в Одессу своих сынов для того, чтобы обучить русское зверье бороться против рабочих и крестьян. Мы с гораздо большим правом будем посылать своих лучших людей, чтобы они показали французским рабочим и английским, как строить красную армию, свергать владычество буржуазии, брать власть в руки народа.

Когда же будет кончена война в международном масштабе, люди из армии найдут поле для приложения своих рук в хозяйственном строительстве. Ничто так не закаляет характер, как армия, ничто так не приучает к выдержке, к настойчивой энергии, к порядку. Наша красная армия, к тому же, тем и отличается от других, что она борется за уничтожение войны навсегда, за то, чтобы люди никогда больше не вцеплялись друг в друга и не истребляли друг друга. И вот почему

военный специалист и при мирном строительстве, которое скоро наступит, займется мирным трудом и в этой области покажет образец дисциплины. Таковы перспективы, развертывающиеся перед каждым честным человеком.

Вы не можете отрицать, что это широкий идеал, за который стоит бороться и отдать не только одну жизнь, но десять жизней.

К этому мы вас призываем, по этому пути вы должны пойти.
(Продолжительные аплодисменты).

	Цена. Р. К.		Цена. Р. К.
Горький, Максим. Вездесущее	— 75	Ионов, Илья. Алое поле. Стихотворения. 2-е изд.	1 50
Его-же. Емельян Пиляй	5 —	Интернационал и мировая война.	
Его-же. Хан и его сын. Старуха Изаергиль	10 —	Материалы, собранные Карлом Грюнбергом	60 —
Гра, Ф. Марсельцы	7 —	Калер, Э. В. Вейтлинг, его жизнь и учение	5 —
Грейлих, Г. Буржуазная революция и освобод. борьба рабочего класса	1 40	Кампанелла, Томас. Государство солида. Утопия	4 30
Гусев. Теория пролетариата (научный социализм).	1 20	Карпинский, В. А. Мир или война.	— 15
Гюи де-Мопассан. Два приятеля	— 75	Катай, С. А. Террор буржуазии в Финляндии	3 50
Декав. Фленго. Рассказ из времен Коммуны 1871 г.	— 25	Каутский, К. Наука, жизнь и этика.	— 30
Декреты о суде	1 50	Его-же. К. Маркс и его историческое значение	1 25
Дикштейн, С. Кто чем живет. С послесловием Плеханова	1 50	Его-же. Экономическое учение К. Маркса. 2-е изд.	3 50
Дитцген. Религия социал-демократии.	3 50	Его-же. Этика	2 25
Дюбрейль, Луи. Коммуна 1871 года.	50 —	Его-же. На другой день после социальной революции	— 75
Жорес. Мир и пролетариат	— 45	Его-же. Классовые интересы	— 40
Закон. о лесах Рос. Фед. Сов. Респ.	— 30	Его-же. Карл Маркс. Биографический очерк.	— 45
Зиновьев, Г. Корни оборончества.	1 10	Его-же. Томас Мор и его Утопия	12 —
Его-же. Наше положение и задачи создания красной армии.	— 25	Его-же. Ирландия	1 40
Его-же. Австрия и война	1 80	Его-же. Возникновение брака и семьи.	2 25
Его-же. Из истории пролетарского праздника 1 мая.	— 30	Его-же. Республика и социал-демократия во Франции	20 —
Его-же. Г. В. Плеханов. Вместо речи на могиле	— 45	Керженцев. Как вести собрание	1 40
Его-же. Хлеб, мир и партии.	— 70	Кий. Что такое социализм?	1 10
Его-же. Рабочие партии и профессиональные союзы	2 25	Его-же. Республика советов. 4-е испр. и дополненное издание	— 40
Его-же. Социализм и война	1 10	Его-же. От крестьянской общины к социалистической коммуне.	— 35
Его-же. Н. Ленин, жизнь и деятельность.	2 —	Его-же. Сельская коммуна.	— 40
Его-же. Письмо к крестьянам.	— 50	Киркпатрик, Д. Война... ради чего?	60 —
Его-же. Слово к красноармейцам.	— 40	Клюев, Н. Медный вят.	2 40
Его-же. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс	— 35	Князев, В. Красные звоны и песни	2 50
Его-же. Что делать в деревне	— 70	Его-же. Красное евангелие	1 20
Его-же. О мятеже левых эс-эров	— 60	Его-же. Песни красного звоняря.	8 —
Его-же. Франц Меринг.	— 30	Колянтай. Работница-мать	— 35
Его-же. Из истории нашей партии	1 10	Коммунистический Интернационал к трудящимся всего мира. Да здравствует 1 мая	1 —
Его-же. Война и кризис социал., т. II	15 —	Конколь. Коммуна 71 г.	6 —
Его-же. Задачи рабочей и крестьянской молодежи	— 90	Конституция Советской Республики.	— 40
Его-же. Работница, крестьянка и Советская власть	— 70	Королькевич, Б. Е. Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав, согласившихся за время нынешней войны	— 35
Его-же. Интернационал молодежи и его задачи.	4 —	Красный Север, № 1 и 2. Журнал иллюстраций	4 —
Его-же. Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец	— 70	Лазар, Бернар. Антисемитизм и революция	— 70
Его-же. Русская революция и международный пролетариат	4 50	Лассаль, Ф. Принципы труда и современном обществе	— 60
Его-же. За что борется красная армия.	2 75	Его-же. Дневник	6 75
Его-же. Новые веяния нашей партии	— —	Лафарг, П. Происхождение религиозных верований	— 60
Его-же. Армия и народ	— —	Его-же. Благотворительность и право на труд	— 60
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. Против течений. 2-е издание	10 —		
Зиновьев, Г., и Троцкий, Л. Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Речь, произнесен. на засед. Петр. Сов.	2 —		

	Цена. Р. К.
Лафарг, П. Миф о непорочном за- чати	— 35
Его-же. Буржуазия и наука	— 65
Его-же. Вера в Бога. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 75
Его-же. Труд и капитал	7 50
Его-же. Патриотизм буржуазии	1 10
Его-же. Право на леность	1 10
Ленин. Доклад и заключительная речь на 3-м Всероссийском съезде Со- ветов	— 25
Его-же. Борьба за хлеб. Разошлось. Печатается 2-е издание	— 40
Его-же. За 12 лет. Собрание статей. Его-же. Пролетарская революция и рenegат Каутский	20 — 4 50
Его-же. Главные задачи наших дней	— 65
Его-же. Уроки революции. 2-е изд.	— 40
Его-же. Империализм, как новейший этап капитализма (популярный очерк)	4 40
Его-же. Успехи и трудности Совет- ской власти	2 20
Либкнехт, В. Два мира	1 60
Его-же. Никаких компромиссов, ника- ких избирательн. соглашений	1 30
Его-же. 1848 год и коммуна. Разо- шлось. Печ. 2-е изд.	2 —
Его-же. Воспоминания о К. Марксе	2 —
Его-же. К юбилею мартовской рево- люции	3 80
Либкнехт, Карл. Мой процесс. (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом Карла Либкнехта	12 —
Лидеман, Г. Коммунальная политика социализма	1 40
Лилина, З. Солдаты тыла. Женский труд до и после войны. Разо- шлось. Печ. 2-е изд.	2 10
Ее-же. Организуйте женщин	— 50
Ее-же. Что дала революция народу	— 35
Линдов, Г. Великая французская рево- люция	15 —
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3 45
Логинов. На страже. Стихотворения. Сатиры	1 80
Его-же. Накануне. Стихотворения	3 50
Лукин, Н. Церковь и государство	— 50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. К. Маркс и социал. революция. Разошлось. Печ. 2-е изд.	— 65
Луначарский, А. Комедии. 2-е издание	5 20

	Цена. Р. К.
Луначарский, А. Карл Маркс. Ко дню 100-летия со дня рождения	— 50
Его-же. Королевский брадобрей (Власть). Пьеса	3 —
Его-же. Первый пророк и мученик революции Радищев	1 20
Лурье, М. (Ю. Ларин). Суд над К. Либкнехтом	— 45
Его-же. Крестьяне и рабочие в рус- ской революции	2 —
Его-же. Состав пролетариата. 2-е изд. Любимов. Танки, их боевые свойства и борьба с ними	— 65 3 —
Люксембург, Роза. Реформы или рево- люция	9 —
Майская, Татьяна. Полустанки	3 50
Маркс, К. Либералы у власти	2 —
Его-же. Наемный труд и капитал	1 40
Его-же. Заработная плата, цена и прибыль	— 85
Его-же. К еврейскому вопросу	3 75
Его-же. Речь о свободе торговли	1 50
Его-же. Классовая борьба во Франции 48 г.	7 50
Его-же. Кельнский процесс коммуни- стов	7 —
Его-же. Критика Готской программы	1 80
Маркс, К., и Энгельс, Ф. О коммунизме	1 40
Их-же. Манифест коммунист. партий	2 80
Мархлевский. Что такое политическая экономика?	1 10
Меринг, Франц. Карл Маркс, история его жизни	80. —
Меринг, Фр., и Лафарг, П. Фридрих Энгельс	1 40
Мещеряков, В. Деревенская беднота и путь к социализму	— 40
Мирбо. Жан и Мадлена. Драма	1 50
Моррис, В. Вести ни откуда. Утопия	8 50
Мор, Т. Утопия	7 20
Муйжель. Бабы жизнь	3 50
Его-же. Старухина земля	2 25
Его-же. Старый Камора	2 —
Его-же. Прохожий	4 —
Его-же. Дача	4 —
Его-же. Проклятие	3 —
Его-же. Дом на площади	3 30
Наш рабочий праздник 1 мая	— 30
Немирович-Данченко. Вся чужая	2 75
Его-же. Ранние огни	30 —
Его-же. Правда сказок	40 —
Его-же. Бодрые, смелые, сильные	40 —
Его-же. Вечная память	45 —
Его-же. Банкирский дом	50 —

Цена 15 р.

22505.

